Рука сжимает листок, который начинает стремительно гнить, будто это чакропроводящая бумага, а он проверяет свои стихии. Парень этого просто не видит, внутри все переворачивается. Ему даже хуже, чем когда они хоронили Харуку и Котоне. Для него сэнсэй была константой, основой жизни. Первым человеком, который в него поверил, вновь позволил ощутить тепло семьи.

Глаза печет, чакра начинает стремительно утекать.

— Кагами! — он вздрагивает, когда двери чуть не срывают с петель, открываясь. Под рукой не оказывается кунаев, он убрал подсумок в печать, чтобы не мешал, поэтому на залетевшего в комнату глупца накладывается иллюзия, а после парализующее дзюцу, и лишь через мгновение после грохота упавшего тела, до парня доходит, что это не враг. Сарутоби Хирузен, своей глупой персоной.

— Он хоть живой? — в комнату аккуратно заглядывает Шимура. Он явно готов броситься прочь в любой момент. — Что с твоими глазами?

— Глазами? — Кагами на мгновение хмурится, а после подхватывает вакидзаси, частично вытаскивая из ножен, чтобы посмотреть о чем толкует Данзо. В отражении клинка на него смотрят не привычные три томоэ. Рисунок еще не завершен, но запятые уже начали меняться. Похоже, еще чуть-чуть и он бы получил Мангеке. — Ничего, — клинок с тихим щелчком возвращается назад. Кинутые на Хирузена дзюцу исчезают, возвращая разум и чувствительность. — Зачем пришли?

— Тобирама-сэнсэй приказал собираться, мы возвращаемся в Коноху, как можно скорее, — Шимура все еще кидая настороженные взгляды, зашел внутрь, помогая подняться Хирузену.

— И непонятно, к чему такая спешка, — Сарутоби недовольно пыхтит, поднимаясь на ноги. — Да и ведет он себя странно, почти так же, как ты.

— Ясно, — Кагами недовольно поджимает губы. Его не задели чужие намеки, он прекрасно понимал, что покушение на такого человека, как его наставница, не может остаться незамеченным.

— Похоже, ты что-то знаешь, — появление Митокадо не стало неожиданностью, а вот попытка сделать умное лицо — раздражала.

— Поспешим, Тобирама-сан не любит ждать, — Кагами привычно игнорирует любопытные взгляды, прикрепляя назад подсумок, а после и ножны с клинком. Чужое недовольство его нисколько не трогает, как и сверлящие затылок взгляды. С этими ребятами они еще не настолько близки, чтобы их мнение хоть сколько-нибудь его волновало. Пусть он и понимает, что сам создает себе на ровном месте сложности.

Кагами прекрасно чувствует чужое недовольство, но даже не собирается останавливаться, слыша чертыханье за спиной. Они все равно пойдут следом за ним. И это правильно, дорога каждая секунда.

Сенджу ждал их внизу, окинул внимательным взглядом и без лишних разговоров жестом показал следовать за ним. Уже одно это указывало на его плохое настроение, Кагами даже не стал спрашивать чем это вызвано. Он знал причину, но не ведал подробности и это его нервировало, ведь Мадара-сама не отдал приказ о возвращении просто так.

— Тобирама-сан, — Учиха не выдерживает спустя час. Прекрасно понимает, что поступает глупо, но это выше его сил. Он должен узнать хоть что-то, чтобы не сойти с ума. — Вам известны подробности нападения?

Сенджу окидывает навязанного ученика внимательным взглядом. Кагами еще слишком молод, пусть и старается удержать непроницаемое выражения лица, которое могло бы привести в заблуждение многих. Маска практически идеальная, но именно эта идеальность выдает его с потрохами, не давая поверить. Мальчишка ждал ответа и от его слов зависело многое, поэтому Тобирама медлил. Вспоминал, мысленно перебирая всех Учиха, что видел рядом с Сумико и пару раз даже припоминая, как мелькал этот паренек. Да и чакра его рядом с ней чувствовалась часто.

— Трое Учиха. Ее атаковали трое Учиха, — Сенджу еще не решил, как относиться к Кагами, но ответил честно.

— Учиха? — в тихом голосе послышалась ярость. — Все-таки зря Мадара-сама их пожалел.

— Ты не удивлен, — Тобирама говорит равнодушно, не демонстрируя ни капли интереса.

— Сумико-сама всегда мешала старейшинам, — Кагами с большим трудом приглушает ярость. — Ее любят в Клане и уважают наравне с Мадарой-сама. Я не знаю ни одного действующего шиноби Клана, которого она не лечила. Она взяла на себя обязательства, которые должна выполнять жена наследника или Главы, — это не тайна, Кагами получил разрешение рассказывать общие сведения о своей наставнице от нее лично. Она понимала, что ему все равно придется делиться информацией. — Если бы с ней что-то случилось…

Кагами проглатывает конец фразы, внезапно четко осознавая, чего конкретно добивались нападающие. Их целью была не сама Сумико-сама, она была лишь способом достижения, ведь если бы ее с ребенком убили… Парень содрогнулся, вспоминая ярость Мадары-сама после смерти брата, а ведь тогда у него оставалась Сумико-сама. Больше никого рядом с ним никто и не видел.

Отобрать у сильнейшего Учиха самое дорогое, в центре деревни, которая строится для защиты…

Разочарование. Боль от утраты. Не надо быть гением, чтобы понять куда и на кого оно обрушится. Все усилия для мирного существования пойдут прахом. Да и будут ли они важны? Нет. Кагами четко осознавал, что если бы у старейшин все вышло, он бы первым обратил клинок против Конохи.

***

Возвращение назад стремительное, Тобирама не жалеет учеников, да и те побаиваются его трогать, уж очень страшный у него взгляд. Впрочем, Сенджу прекрасно понимает, что не такие тренированные как Учиха ребята долго взятый темп не выдержат, поэтому не поддается на уговоры Кагами, делая короткие привалы каждые шесть часов. Изменить они уже все равно ничего не могут, усталость же не даст мыслить здраво и только увеличит время пути.

Рядом мелькает патруль, их останавливают, какой-то ниндзя из Хьюга одаривает высокомерным взглядом, но уважительно кланяется Сенджу. Проволочек нет, их быстро пропускают дальше, чтобы спустя десяток километров остановить вновь. Их явно узнают, поэтому задержка короткая, но она все равно раздражает. Коноха перед глазами вырастает внезапно, большие ворота открыты, но Кагами не обманывается, ощущая на себе чьи-то взгляды. Охрану границы деревни явно усилили. На пункте приема сидели не стандартная пара сенсор-поддержка, а Хьюга и Учиха, которые с каменными лицами кивали на приветствия и заполняли бланки. Никакой ругани, даже игнорирования, холодно-вежливое взаимодействие.

Впрочем, Кагами мало волнует чужое недовольство и поведение, ему на плечо приземлился тяжелый, откормленный ворон, который ощутимо сжал когтистые лапы. Парню ничего не оставалось, как быстро заполнить бланк переданный побледневшим соклановцем и позволить себя просканировать. Едва это произошло, как птица сорвалась с места, нетерпеливо каркнув, будто требуя последовать за собой.

— Тобирама-сан, прошу прощения, — в последний момент Кагами вспоминает о манерах, но все равно поклон выходит смазанным, а ответа или разрешения покинуть их, он не дожидается. Это не важно. Сейчас он должен убедиться, что с наставницей все хорошо.

Наглая птица летит быстро, будто специально пытаясь скрыться из вида, но Кагами так просто не обмануть. Он уже высчитал, куда его ведут, появившийся с боку Тобирама только подтверждает его догадки.

Все же в Конохе не так много мест, куда можно поместить только родившую женщину. Особенно если при этом она едва не умерла. И он не ошибается. Ворон действительно приводит его к госпиталю, разительно переменившемуся, ставшему более тихим и пустынным. Кагами еще помнил, как тут сновали те, кто повредил себе что-то на стройке. Сейчас же его окружала тишина. Даже ворон исчез сразу, как только довел до здания.

— Кагами, — появление Мадары-сама он пропустил, поэтому вздрогнул, когда тот соткался прямо перед ним. Чудом не обнажив оружие, ведь выглядел Глава Клана жутко. Точнее… от него веяло жутью, казалось, будто смерть смотрит из его глаз. Впрочем, подобное было направлено не на парнишку и не на Тобираму, последнего Мадара-сама будто и вовсе не заметил. — Идем.

— Как она? — Кагами страшно задавать этот простой вопрос, но иначе он не может. Он должен знать.

— Состояние стабильно-тяжелое, шансы очнуться не велики, — Глава Клана отворачивается, не в силах выдерживать полный надежды взгляд. Он не имеет права давать надежду. Кагами сам ирьенин и поймет все, когда увидит неподвижную фигурку, застывшую на белоснежных простынях. Тонкая кожа настолько белая, что почти не выделяется на фоне ткани. И только темные волосы, так и не утратили своей яркости. — Мы пришли. Мито-химе, я привел еще одного помощника Хашираме, дайте ему пропуск.

Кагами застывает, когда понимает, что наткнулся на невидимую преграду, которую не смог перешагнуть вслед за Главой Клана. Барьер. Очень мощный и спрятанный за иллюзией. Только сейчас он ощущает, как гендзюцу начинает воздействовать на него, заставляя задуматься о том, что он тут делает и направить внимание на что-то другое.

— Надеюсь, вы знаете, что желаете, Мадара-сан, — парнишка вздрагивает, когда рядом появляется красноволосая женщина. Он ее помнил, она была частым гостем у Сумико-сама, да и комнату под госпиталем защищала она. Жаль, что наставнице не удалось той воспользоваться.

— Да, ему можно доверять, — жестко раздалось в ответ. — И он не чужд ирьедзюцу.

— Протяни руку, — он видит, что Узумаки недовольна ответом, но спорить ей явно не хотелось. Только не с таким Мадарой Учиха. В этот раз он внушал страх даже тем, кто его знал очень давно.

Кагами кривится. Тонкий палец прочерчивает на протянутой ладони сложный знак, который неприятно печется и будто вплавляется в тыльную сторону ладони, стремительно выцветая. Однако ощущение чужой чакры никуда не девается.

— Это временный пропуск, будет действителен сутки, потом пропадет, — женщина приветливо улыбается.

— Кагами, не стой столбом, — рядом будто по волшебству появляется хмурая Асами. — Благодарю, Мито-химе, — поклон на ходу, не только Узумаки, но и мрачному Мадаре-сама. — Твоя помощь нужна для создания отваров, — ее внимание вновь возвращается к Кагами, которого она тащит за собой. — Ну и чакрой делиться будешь, если потребуется. Хотя это вряд ли. Хаширама-сама уже сделал основную работу, стабилизировал состояние, наша задача следить, чтобы не было ухудшений.

— Я понял, — ответ лаконичен, но это никого не смущает. Кагами всем своим существом желает увидеть Сумико-сама, убедиться в том, что она жива. Остальное не так важно. Он готов терпеть любые неудобства, если это поможет той вылечиться.

***

Видеть наставницу настолько бледной, обессиленной — нестерпимо. Она не должна быть такой безжизненной. Кагами не в силах просто смотреть, но и помощь… он в очередной раз оказался бессилен, поэтому даже не сопротивляется, когда его выталкивают из палаты, отправляя к ребенку. Там уже устало прикрыв глаза сидит Глава Клана.

— Мадара-сама, что с напавшими? — голос Кагами ровен, он осторожно заглядывает в колыбель. Лежащий там малыш беззубо улыбается и что-то покряхтывает на своем языке.

— Зачем тебе? — чужой взгляд полоснул по нервам.

— Хочу поучаствовать в ликвидации, — в глазах парня мрачная решимость и холод. Он считает, что подвел наставницу, ведь не заметил заговора, даже его зачатков. Его умения все еще не совершенны.

— Я их уничтожил, но… — жесткая улыбка скользит по лицу Главы Клана, — еще не закончил чистку рядов.

Кагами молча кланяется, на его губах отражение ухмылки Мадары-сама. Они оба считают себя виноватыми в произошедшем и клянутся, что больше этого не допустят. Ну, а недовольство Клана… пусть вперед шагнут те, кто посмеет возмутиться. Особенно после покушения на Сумико-сама. Для Кагами - наставницы, почти матери, а для Мадары - женщины, которую он считает своей.

Продолжение следует…

http://tl.rulate.ru/book/54344/1386591